

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ В «СЛОВЕ О РАССЛАБЛЕННОМ»
КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Стиль Кирилла, епископа Туровского, привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей: проблемами стилистики туровского оратора занимались И. П. Еремин [Еремин, с. 50–58], Д. С. Лихачев [Лихачев, с. 154–160], Д. И. Чижевский [Чижевский, с. 136–155], В. В. Колесов [Колесов, с. 5–20], В. В. Кусков [Кусков, с. 114–115], Е. Б. Рогачевская [Рогачевская, с. 7–85], О. В. Творогов [Творогов, с. 217–221], Л. И. Сазонова [Сазонова, с. 30–46] и другие. Однако художественные приемы святителя Кирилла и особенности его писательской манеры остаются малоизученными, несмотря на достаточно частое обращение исследователей к этой теме. Одним из путей решения этой проблемы нам видится исследование литературных источников торжественных слов проповедника, поскольку именно источники оказываются порой одной из важнейших характеристик писательской манеры средневекового автора.

Еще в 1981 г. М. Ф. Антонова опубликовала небольшое исследование о взаимосвязи творческого метода Епифания Премудрого с писательской манерой Кирилла Туровского, и корнем этой преемственности она назвала заимствования обоими авторами отдельных стилистических фигур из библейских и, главное, литургических текстов [Антонова, с. 223–227]. Статья М. Ф. Антоновой очень коротка, путь исследования едва намечен и, к сожалению, оставлен без продолжения. Сделанные ею наблюдения охватили лишь несколько великопостных стихир, использованных в качестве литературного источника. Однако предложенный исследовательницей метод представляется нам весьма плодотворным при расширении контекстного анализа проповедей святителя Кирилла — как в смысле литургического контекста, так и в смысле контекста наследия современных автору и позднейших проповедников. Нами проведено исследование с точки зрения литературных источников нескольких торжественных слов Кирилла Туровского, а именно: *Слова на Пасху* и *Слова о мироносицах* (подробнее см.: [Шумило, 2014а; Шумило, 2014б]). Мы предлагаем еще одно исследование этой проблемы на примере *Слова о расслабленном*.

«Слово в неделю четвертую по Пасхе о расслабленном» написано, как и другие торжественные слова святителя Кирилла, в пышном витиеватом стиле. Оно начинается похвалой Божиюму смотрению¹, что не является простой амплификацией, начинающей проповедь, но идейно связано с содержанием всего Слова, поскольку именно идея премудрости домостроительства и промысла является в Слове главной.

Проповедь пересказывает евангельское событие, почитаемое в этот день, — встречу Христа с расслабленным у купели Вифседы, при этом автор несколько замедляет и расширяет лаконичный и довольно сдержанный в отношении эмоционального напряжения евангельский рассказ. Кирилл Туровский наполняет свой пересказ подробностями — в основном при помощи приема амплификации, потому подробности касаются не фактических моментов, а эмоционального наполнения диалога между Христом и расслабленным. В этом проповедник следует главному методу составления богослужебных текстов: расширение евангельского повествования через дополнение диалогов и добавление эмоциональной окраски. Так, если в Евангелии речь расслабленного передана двумя-тремя краткими предложениями, то в богослужении² она представляет собой пространственный рассказ о злоключениях несчастного. В передаче же святителя Кирилла это уже не

¹ Слово в неделю четвертую по Пасхе о расслабленном Кирилла Туровского; Сборник торжественных слов. РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 952. Л. 267.

² См. вечерню и утреню четвертой недели по Пасхе, например: Триодь цветная. РГБ. Ф. 301.1. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 399. Л. 167–175.

просто рассказ, а целая повесть о расслабленном и его печальной судьбе, а также — и это важно для проповедника — о домостроительстве Божиим. Сравним эти три текста.

Евангелие от Иоанна (5: 5–8)

«Бѣ же ту нѣкій человекъ, тридесять и осмь лѣтъ имый въ недужѣ [своёмъ].

Сего видѣвъ Исусъ лежаща, и разумѣвъ, яко многа лѣта уже имяше [въ недужѣ], глагола ему: хощеши ли цѣль быти?»

Отвѣща ему недужный: ей, Господи, человекъ не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержеть мя въ купѣль: егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазить.

Глагола ему Исусъ: востани, возми одръ твою, и ходи».

Служба четвертой недели по Пасхе варьирует этот краткий диалог, при этом влагая в уста расслабленного не только скупую жалобу на немощь и безысходность, но и намек на высокодуховные устремления:

«Непогребенъ мертвецъ сѣй расслабленный, видевъ тѣа возопи: помилуй ма господи, такъ одръ мой гробъ мнѣ вѣсть. что ми приобрѣтеніе живота; не требую овчїи купѣли: не имамъ бо никогоже влагающа ма, возмущающымса водамъ: не тебѣ источнику прихожду исцѣлений, да и азъ со всѣми вопію: всеильне господи, слава тебѣ»³.

Иными словами, расслабленный в приведенной стихире уже не просто лежит при чудотворной купели, надеясь, что кто-то поможет ему, а ожидает Христа. Эта тема не звучит в Евангелии так явно, и варьирующая евангельский текст стихира углубляет и открывает ее скрытый смысл — в этом и заключается один из главных художественных методов богослужебного творчества. Он роднит литургические тексты с проповедническими, поскольку подразумевает некоторое толкование евангельских событий.

Кирилл Туровский, как и его знаменитые предшественники: Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов (преемственность от которого отмечает М. Ф. Антонова у Кирилла Туровского), — наследует этот литургический прием и продолжает толковать евангельские события, опираясь на службу соответствующей недели. Так, едва начав пересказ Евангелия от Иоанна, святитель Кирилл частично цитирует отдельные фрагменты службы, в частности приведенную нами стихирю. О расслабленном он пишет именно словами стихирей:

«Непогребенъ мрътвецъ разумѣюся... и одръ сен гробъ ми есть»⁴.

При этом Кирилл не останавливается на кратком описании злоключений расслабленного, а живописует их достаточно ярко, чтобы вызвать искреннее сочувствие слушателей и читателей: расслабленный жалуется Христу и на насмешки, и на голод и жажду, потому что некому его покормить, некому обвязать раны, а он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Тема «живого мертвеца», едва замерцавшая в вечерней стихире, раскрывается у проповедника в целую повесть, полную ужаса и сострадания.

Замедление повествования через многочисленные амплификации, обыгрывание маленького фрагмента библейского текста и расширение его до полноценного отдельного произведения — традиционный прием классической экзегетики. Мы найдем его и у Василия Великого, и у Иоанна Златоуста, особенно обильно богословы используют его в толкованиях на Бытие и евангельские тексты.

Так, первая фраза книги Бытия «Въ начале сотвори Богъ небо и землю» у Иоанна Златоуста становится темой для отдельной проповеди⁵. Многократно повторяя одну эту фразу, варьируя ее,

³ Триодъ цветная. ТСЛ. 399. Л. 167.

⁴ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского; Погод. 952. Л. 270.

⁵ Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго беседы на книгу Бытия. В 2-х т. СПб., 1898. Т. 1. С. 8–12. Ср.: Иоанн златоуст, свят. Беседа III. На начало творения: Вначале сотвори Бог небо и землю // Святаго отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольского Беседа на первую Моисееву книгу Бытия, переведенных с греческаго языка на российский, часть I. 1767. РГБ. Музей книги. Ф. VI. № 553. Л. 9–15. (см.: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropечатnye-knigi/550?lnum=5>)

рассматривая с разных сторон, оратор то углубляется в сотереологические рассуждения, то снова возвращается к исходной библейской цитате. Перед нами не ход повествования, не движение вперед, а как бы своеобразный словесный танец на одном месте. Такой же прием находим и в толковании Иоанном Златоустом притчи о богаче и Лазаре⁶.

То же явление наблюдается практически во всех проповедях ранних христианских ораторов. Проповедники как бы предлагают нам пожить в библейском времени и пространстве, замедление повествования — это преодоление быстротекущего настоящего времени.

По принципу преодоления времени и остановки внимания на наиболее важных событиях строятся и богослужбные тексты. Особенно хорошо это прослеживается в службах на господские или богородичные праздники. Так, например, в службе Благовещению канон построен как длинный диалог Архангела Гавриила и Марии. Этот диалог представляет собой пространный гимнографический текст с вкраплениями догматического и экзегетического характера⁷. В Новом Завете мы не найдем ничего подобного: Евангелие описывает произошедшее событие кратко, и разговор Марии с Гавриилом заключается всего в паре фраз. Очевидно, гимнограф, составлявший службу, используя прием амплификации, преследует вполне определенную цель: помедлить, пожить какое-то время евангельской жизнью, стать свидетелем встречи Архангела и Богоматери, замереть перед этим чудом, как перед иконой. Амплификация необходима гимнографу как средство создания особой атмосферы и молитвенного настроения у слушателей. Главной целью богослужения является совершение молитвы, поэтому на нее и ориентируется гимнограф, используя те или иные литературные приемы. Характерно, что именно амплификация стала наиболее подходящим способом организации богослужбного текста.

Знаменательно, что тот же прием ложится в основу проповеднической литературы, которая, таким образом, тоже связывается авторами с молитвенным состоянием и замедлением повествования ради углубления в молитву.

Вернемся к рассматриваемому нами произведению. Если богослужение расширяет евангельский текст, то проповедь о расслабленном расширяет соответствующее богослужбное произведение. Пристальное внимание Кирилла Туровского привлекает одна из стихир Службы на четвертую неделю, которая построена на интересной символической метафоре. На жалобу расслабленного, что он не имеет человека, который вложил бы его в купель, Христос отвечает, что Он и есть тот Человек, Он стал Человеком именно для этого. Эта тема звучит в службе лишь однажды, далее ни разу не повторяется и не развивается. При беглом прочтении или невнимательном слушании службы символическое толкование слова «Человек», в данном случае обозначающего Богочеловека, а также указание на промыслительность событий легко могут ускользнуть от реципиента. Приведем текст исследуемой стихир:

«На овчей купѣли челоуѣкъ лежаше въ немощи, и видѣвъ тѣ, господи, вопіаше: челоуѣка не имамъ, да егда возмѣтитсѣ вода, ввержетъ мѧ въ ню: егда же прихожду, инъ предвараетъ мѧ, и пріемлетъ исцѣленіе, азъ же немощствуйай лежу. и абіе ѹмилосердивсѧ спасъ, глаголетъ къ немю: тебе ради челоуѣкъ бѣхъ, тебе ради въ плоть облекохсѧ, и глаголеши: челоуѣка не имамъ. Возми одръ твой и ходи. Вся тебѣ возможна, всѧ послушаютъ, всѧ повинуютсѧ: всѣхъ насъ помани, и помилуй святый, такъ челоуѣколюбець»⁸.

Эта однажды упоминаемая в богослужении мысль о том, Кем должен оказаться тот единственный Человек, Которого столь долго ожидает расслабленный, становится едва ли не

⁶ Иванова К. Цикл великопостных гомилий в гомилиирии Михановича // ТОДРА. СПб., 1977. Т. 32. С. 219–244.

⁷ Канонник. РГБ. Ф. 304.1. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 253. Исх. XIV в. Л. 151 об.

⁸ Триодъ цветная. ТСЛ. 399. Л. 168.

центральной для проповеди Кирилла Туровского. Он не просто неоднократно упоминает ее, но развивает и делает кульминацией своего Слова.

К символическому значению слова «Человек», переданному богослужением, проповедник подходит издалека. Фраза расслабленного «человека не имам» превращается у святителя Кирилла в долгую историю о падении человечества, которая начинается с описания обычной, можно сказать, бытовой стороны дела: расслабленный жалуется, что не имеет денег, чтобы оплатить труд такого человека⁹, и т. д. Постепенно эти жалобы на неимение человека обретают более возвышенный смысл: у расслабленного не просто нет денег, но и имущества нет, однако речь идет не о материальной нищете, а о духовной: «яко злѣ расточихъ данное ми в Раи богатство». С этого момента расслабленный повествует о своем недуге уже не как о физическом и описывает свою нищету, изодранные грязные одежды и немощь как результат грехопадения: «...и змѣмъ во ѿдежѣ украдена ми естъ чистоты одежа. И зде лежѣ нагъ, Божіа покровѣ не имамъ»¹⁰.

Жалобы на отсутствие человека также становятся жалобами на жалкое состояние современного человечества и отсутствие праведника: человека нет, говорит расслабленный, потому что Енох и Илия ушли на небо, Авраам и Иаков умерли, Моисей хотя и был праведен, но оказался недостойным видеть обетованную землю, Соломон погиб, «прельстився женами». «Человѣка не имамъ, вѣрна ко Богу, — заключает расслабленный, — вси уклонишася и неключими быша, несть творящаго благо, несть до единого»¹¹. Отметим, между прочим, что эти размышления расслабленного заканчиваются легко узнаваемой цитатой из второй кафизмы, которая положена на воскресной утрени, что еще более подчеркивает связь проповеди с воскресным богослужением.

Итак, проповедник медленно подводит слушателя к теме Богочеловека, предваряя ее рассуждениями расслабленного, болезнь которого видится теперь уже не только в физическом смысле, но и в духовном, а отсутствие человека, соответственно, — это следствие постепенного обеднения святости в человеческой сущности и во всем человечестве вообще. Следовательно, для исцеления расслабленного нужно не только погружение в купель, но нечто большее, и это большее провозглашает Христос в стихире праздника:

«Тебе ради человекъ выхъ, тебе ради в плоть облечохся, и глаголеши: человекъ не имамъ: возми одръ твою и ходи»¹².

В стихире в слова Христа звучит тонкое замечание — это повтор фразы «и глаголеши: человекъ не имамъ». Произнося ее дважды, Христос, по замыслу гимнографа, как бы указывает расслабленному на то, что Человек, с большой буквы, стоит перед тобой сейчас, то, чего ты ожидал, сбылось, не сетуй более на отсутствие человека. На этом гимнограф останавливается и не развивает далее эту мысль, не раскрывает ее символического содержания.

Кирилл Туровский, напротив, останавливается на ней. В проповеди Христос повторяет фразу «глаголеши: человекъ не имамъ» много раз, она становится своеобразным рефреном в его монологе, который похож отчасти на песнопение, отчасти на псалом по своему оформлению:

«Глаголеши: человекъ не имамъ. Азъ выхъ человекъ, да Богомъ человекъ сотворю, азъ тебе ради бесплотенъ бысть, и плотию обложенъ выхъ, азъ тебе ради человекъ выхъ щедръ и милостивъ, и глаголеши: человекъ не имамъ...»¹³.

Ответ Христа при помощи приема амплификации разворачивается в пространную богословскую проповедь:

⁹ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского; Погод. 952. Л. 271.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 271 об.

¹² Триодъ цветная. ТСЛ. 399. Л. 168.

¹³ Слово в неделю четвертую по Пасце о расслабленном Кирилла Туровского; Погод. 952. Л. 272.

«Глышал бо еси пророка глаголюща: Яко отроча родиться, сын вышняго, и дан бысть нам, и тѣ болѣзни и недугы наша понесет. Тебе ради горняго царства скипетры оставль, нижним служа обѣхожю; не придохъ бо, да ми послужать, нѣ да послужю...»¹⁴.

В этом ответе-проповеди Проповедник окончательно переносит акцент с физической болезни расслабленного на духовную болезнь всего человечества, для исцеления которой и пришел Мессия. Самого Христа в проповеди автор называет «Благый нашъ врачъ»¹⁵:

«...Тебе ради, бесплотен сы, плѣтию обложихъся, да всѣхъ душевныя и телесныя недугы исцѣлю. Тебе ради, невидим сы ангельскимъ силамъ, всѣмъ человѣкомъ явихъся; не хоцю бо моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нѣ хоцю и спасти и в разум истинный привести...»¹⁶.

Процесс богопознания, происходящий как взаимное сближение человека и Бога, также отражен в этом расширенном амплификацией ответе Христа:

«Азъ быхъ человѣкъ, да богомъ человѣка сътворю, рѣхъ бо: Бози бѣдуть и сынове вышняго вси...»¹⁷.

Феномен обожения раскрывается через пространный рассказ о сотворении мира ради человека:

«Тобѣ всю тварь на работѣ створихъ, небо и земля тобѣ служита: оно влагою. А си плодомъ. Тебе ради солнце свѣтомъ и теплотою служить, и луна съ звѣздами ночь обѣляетъ. Тебе дѣля облаци дѣждьмъ землю напаяють, и земля всякѣ травѣ съменитѣ и дрѣва плодовиата на твою службѣ въздращають...»¹⁸.

Так, при помощи амплификации Кирилл Туровский превращает заимствованную из вечерни стихиру в проповедь с глубоким богословским содержанием. Весь этот пространный ответ-проповедь занимает не одну страницу рукописи.

Конец указанной стихире также отзывается в проповеди святителя Кирилла, но и тут проповедник наполняет исходный текст новым содержанием. Стихира оканчивается торжественным обращением ко Христу и традиционным конечным прошением о милости:

«Вса тебѣ возможна, вса послушаютъ, вса повинуются: всѣхъ насъ помани, и помилуй, свѣтый, яко человѣколюбець»¹⁹.

Тему восхваления Бога за Его всемогущество святитель Кирилл также помещает в конец проповеди, но переносит акцент с Создателя на создание: у проповедника Сам Христос рассказывает о том, что Он создал и землю, и небо, и животных, и звезды, и всю Вселенную — и, как подчеркивается в каждой фразе, все это «тебе ради», то есть ради человека, для него, а именно для того, чтобы вся Вселенная стала послушной самому человеку, чтобы именно человеку повиновалось все.

Средневековый слушатель, хорошо знакомый с богослужением, неизбежно угадывал за текстом проповеди знакомую ему стихиру (тем более что мы приводим стихиру из литии, которая исполняется, по уставу, в притворе и поется не только клиросом, но и всеми присутствующими [Скабалланович, с. 587—588], иными словами, мы предполагаем, что эта стихи́ра была хорошо знакома набожному средневековому реципиенту). Разбитая амплификациями Кирилла Туровского на части заимствованная стихи́ра как бы мерцает через проповедь, то возникая в ней, то совершенно исчезая за творческой мыслью автора. Также должно было угадываться и окончание стихире за окончанием проповеди, но тут происходил некоторый переворот восприятия: то,

¹⁴ Там же. Л. 271 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 272.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Триодъ цветная. ТСЛ. 399. Л. 168.

что в стихире отнесено к Богу, в проповеди, словами Самого Христа, неожиданно оказывается отнесенным к человеку. Кирилл Туровский, указав слушателю на промысел вочеловечения Христа, теперь разворачивает перед ним картину обожения человека, которая оказывается тем более выразительной, если учесть, насколько до этого автор живописал жалкое и плачевное положение расслабленного.

Таким образом, стихира на литии четвертой недели по Пасхе становится литературным источником для Слова о расслабленном Кирилла Туровского. Автор проповеди не просто заимствует отдельные фразы или идеи, но развивает последние, делает их источниками новых размышлений над евангельскими событиями и, апеллируя к читательскому знанию богослужения, стремится удивить читателя неожиданным прочтением того или иного фрагмента стихир.

Заимствование богослужебных текстов является характерной чертой писательской манеры Кирилла Туровского, эта же манера станет одной из важных особенностей в стилистике сербо-афонских писателей XIII–XIV в. и русских писателей XIV–XV в. Именно апелляция к богослужению в XV в. становится одной из самых ярких черт стиля «плетение словес», особенно это касается произведений Епифания Премудрого, которые порой представляют собой мозаические переплетения заимствованных из богослужения отрывков (см. подробнее: [Shumilo]). Думается, при определении стилистической доминанты произведений Кирилла Туровского необходимо иметь в виду именно это сходство с «плетением словес» и помнить о связи витиеватого стиля с молитвенным настроением автора. Это позволяет по-новому взглянуть на стилистику святителя Кирилла и искать источники стиля «плетение словес» уже в его произведениях.

Литература

- Антонова М. Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 223–227.
- Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 18. С. 51–58.
- Колесов В. В. Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. Исследования и тексты. М., 2009. С. 5–20.
- Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1982.
- Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001.
- Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М., 1999.
- Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 30–46.
- Скабалланович М. Н. Толковый типикон. М., 2008.
- Творогов О. В. Кирилл, епископ Туровский // СККДР. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 217–221.
- Чижевський Д. І. Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956.
- Шуміло С. М. Запозичення з богослужбових текстів у проповідях Кирила Туровського (на прикладі проповіді на Великдень) // Преподобний Нестор Печерський в історії української культури: збірник статей. Харків, 2014. С. 106–113. [Шуміло, 2014а]
- Шуміло С. М. Источники стиля в ораторском красноречии Киевской Руси: на материале торжественных слов Кирилла Туровского // Поэтика церковной прозы (XI–XX ст.): Збірник статей з літературознавства. Чернівці, 2014. С. 53–58. [Шуміло, 2014б]
- Shumilo S. M. The system of divine service quotations in the Life of Stephen of Perm // Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History. Piscataway, New Jersey, 2011–2012. Т. 7–8: Ars Christiana. In memoriam Michail F. Murianov (21.XI.1928–6.VI.1995). P. 195–216.